

* * *

Мир трагичен. Противоречия, которые несет в себе жизнь, принципиально неразрешимы. Так думал и чувствовал Пушкин в 1830 году, вступая в самую зрелую и совершенную пору своих творческих сил. В «Маленьких трагедиях» он с каким-то сверхреализмом показал глубины и мощь этой трагедии человечества.

В «Повестях Белкина» великий поэт попытался спастись от трагедии бытия на «путях обыкновенных», в полувиртуальной созданной им реальности. Не получилось...

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-117-124

© С. В. Берзкина

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПОСЛАНИЕ С. П. ШЕВЫРЕВА К МОЛОДЫМ ПРОФЕССОРАМ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В рукописях С. П. Шевырева (1806–1864), филолога, критика, публициста, поэта и переводчика, несмотря на большой интерес, проявляемый современными исследователями к его творческому наследию, остается немало неопубликованных сочинений, в том числе стихов «на случай», чаще всего на разного рода застолья, собиравшие видных представителей образованного московского общества. Стихи эти писались в канун подобных собраний или же непосредственно в «пиршественной» зале и достойны внимания, во-первых, как проявление живого общественного темперамента, который был свойственен Шевыреву, а во-вторых, как историческое свидетельство о событии, которое они освещают. Для публикации стихов «на случай» чрезвычайно важна точная дата: они могут быть интересны сами по себе, но без нее теряют не только соль, но порой и смысл. В этом отношении послание Шевырева «В народе, к знанию готовом...» представляет отрадное исключение, поскольку насыщено информацией, не оставляющей сомнения в том, когда оно было создано. Послание написано в начале 1836 года и является откликом на важное событие в жизни ученого сообщества всей России:

В народе, к знанию готовом,
Надежной младости полны,
Науку сеять в поле новом
Мы рано, други, призваны.

Науке русской много дела,
И жатва будет нам славна!
С утра до ночи станем смело
Бросать живые семена,

Да вздыдет истина святая
На ниве русского ума,
Сынов России осеняя,
И да бежит пред нею тьма!

Ты наш старшой, ты нам поведай,
Как наша Русь жила-была,
И простодушною беседой
Нам оживи ее дела!

Пандектов чтец — ты наш Ириерий!
 Младой питомец Савиньи,
 Ты — в римский разум настезь двери
 Российским смыслом распахни.

А ты, латинян однодонец,
 Ты с ними будто *merum*¹ пил,
 Заставь, чтоб Тацит, твой знакомец,
 По-скифски нам заговорил.

Юрист-философ! Ты ль обидишь
 Народный ум в своих речах?
 Ты в ясном свете то увидишь,
 Что Гегель видел лишь впотьмах.

Толмач законов уголовных!
 Да будет правдою Наказ!
 Учи скорей прощать виновных,
 Чем осуждать невинных нас!

Физиолог мудрый и глубокий,
 О тайнах жизни и души
 Ты написал трактат высокий:
 Так не ленись же и пиши.

Ты — честь своих и зависть немцев!
 Нас славой русской утешь!
 Гони не наших, Иноземцев,
 Врачуя нас, ты их зарежь!

Пируйте, други, и шумите,
 Да осенит вас правды Бог!
 Певца на пире помяните:
 Он духом бодр, да телом плох.

В народе, к знанию готовом,
 Надежной младости полны,
 Науку сеять в поле новом
 Мы рано, други, призваны.²

Беловой автограф заключается авторским примечанием: «Стихи, посланные вечером на пир к профессорам, праздновавшим свое профессорство. Сам был болен». Послание густо населено персонажами, у него фактически семь адресатов. Сведения о них, сообщаемые автором, сходятся как в фокусе на 1836 годе. Все профессора, о которых говорит послание и примечание к нему, молоды, как и тридцатилетний автор, адъюнкт (с 1833) Московского университета;³ в стихе «Мы рано, други, призваны» второе слово подразумевает именно возраст героев. По-видимому, ко встрече с ними относятся записи от 4 и 8 февраля 1836 года в дневнике М. П. Погодина, еще одного профессора Московского университета, которые привел его биограф: «На блинах у Морошкина, — гласила одна из них. — Приятно разговаривать с нашею

¹ *Merum* (лат.) — цельное, неразведенное вино.

² РНБ. Ф. 850. № 22. Л. 42–43 об.

³ Об истории получения Шевыревым, не имевшим университетского образования, должности адъюнкт-профессора см.: *Петров Ф. А. С. П. Шевырев — первый профессор истории российской словесности в Московском университете. М., 1999. С. 6–8.*

ученою молодежью».⁴ Масленичная неделя приходилась в 1836 году на 3–8 февраля, когда, вероятно, и было написано это стихотворение.

Одновременное продвижение на московские кафедры целого ряда молодых профессоров позволяет видеть в послании приветствие не только счастливому повороту их личных судеб. Шевырев укрупняет проблематику текста, вводя в него образ «готового к знанию» народа. В оптимистичном призыве «смело бросать живые семена» в почву, в его надежде на славную «жатву» и большие дела «науки русской» звучит радостная весть о том свежем ветре, который пахнул в университетских аудиториях. Шевырев приветствует вступление в действие нового университетского устава 1835 года, определенное датой 1 января 1836 года. Все, кому адресовано послание, были утверждены в звании экстраординарных профессоров Московского университета 31 декабря 1835 года⁵ (кроме хозяина, у которого они праздновали это событие и которого упоминал в своем дневнике Погодин, о чем мы скажем ниже). На должность ординарных профессоров молодые ученые были избраны несколько позднее, в 1837 году, однако само положение и адъюнктов, и экстраординарных профессоров (еще до защиты ими докторских диссертаций) получило в новом уставе более прочное основание. Во втором семестре 1835/1836 учебного года все герои послания Шевырева были определены на соответствовавшие их научной специализации кафедры, для которых они готовились с конца 1820-х годов.

Устав 1835 года сохранял доступность университетов для всех сословий, за исключением крепостных крестьян, а также значительно расширял объем преподаваемых в университетах дисциплин, что способствовало дифференциации научных знаний и увеличению числа кафедр. Были открыты кафедры российской и всеобщей истории (ранее они преподавались вместе со статистикой и географией), российской словесности и истории российской литературы (вместо кафедр «красноречия, стихотворства и языка российского»), истории и литературы славянских наречий и др. Новым уставом была проведена реорганизация преподавания на юридическом факультете (в соответствии с кодифицированным Сводом законов Российской империи 1832 года). Количество кафедр, а значит, и профессоров было увеличено в университетах на треть, жалованье же профессорско-преподавательскому составу — в два с половиной раза.⁶

Чтобы все это воплотить в жизнь, Министерство народного просвещения осуществило ряд шагов, сделавших возможным формирование к середине 1830-х годов поколения молодых ученых высокой научной квалификации (организация Профессорского института в Дерпте, обучение молодых правоведов под руководством гр. М. М. Сперанского во II Отделении с. е. и. в. Канцелярии, заграничные стажировки). Оглядываясь на историю Московского университета в юбилейный для него 1855 год, Шевырев писал об этой стороне деятельности правительства: «Беспримерной щедроте монаршей, благоразумным действиям исполнителей великодушной воли государя не один университет московский, но и все русские университеты обязаны тем

⁴ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 кн. СПб., 1891. Кн. 4. С. 350, 447.

⁵ См.: Летопись Московского университета. Торжественное собрание в университете [9 июня 1836 года] // Ученые записки Московского университета. 1836. № 12. С. 585–587. Дата 31 декабря 1835 года, «при введении в действие нового устава», присутствует в автобиографиях всех героев послания Шевырева и статьях о них (см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку: В 2 ч. М., 1855).

⁶ В отзыве Н. И. Надеждина на новации в жизни университетов, введенные уставом 1835 года, говорилось, что материальное обеспечение профессоров избавляет их теперь «от нужды работать вне университета» (Телескоп. 1836. Т. 33. № 9. С. 108). О новом уставе см.: Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России: В 4 т. М., 2003. Т. 3. Университетская профессура и подготовка Устава 1835 года. С. 271–351; Т. 4. Российские университеты и люди 1840-х годов. Ч. 1. С. 16–66. Работа Ф. А. Петрова оснащена обширным комментаторским отделом, дающим исчерпывающее освещение истории изучения российских университетов.

значительным числом специальных русских ученых, которые поставлены теперь в решительную возможность возделывать науку в России и насаждать ее семена между своими соотечественниками».⁷ А. Д. Галахов (1807–1892) в своих «Записках человека» (публ. с 1847 года) с пиететом вспоминал о времени гр. С. Г. Строганова, попечителя Московского университета с 1835 года, когда университет приобрел «новых профессоров, молодых и талантливых, умевших поднять уровень высшего научного образования и возбудить в студентах не только любознательность, но и нравственные чувства, стремление к благородным идеалам».⁸ Именно к этой когорте и принадлежали те, к кому Шевырев обращался в своем послании.

Назовем по порядку его адресатов. Исключением в ряду вновь испеченных профессоров был Федор Лукич Морошкин (1804–1857), выпускник Тверской семинарии (1823) и Московского университета (1828), отказавшийся после его окончания от обучения в дерптском Профессорском институте. Он начал службу в Московском университете в 1833 году адъюнктом на кафедре прав знатнейших древних и новых народов и в марте 1835 года был утвержден в звании экстраординарного профессора. Именно поэтому Шевырев называет его в послании «старшим». Постановлением от 31 декабря 1835 года Морошкин был утвержден в том же звании, но на новую кафедру гражданских законов. Предложение Шевырева поведать пирующим о том, «как наша Русь жила-была», было связано с темой его докторской диссертации «О владении по началам российского законодательства» (1837). Обращение к Морошкину в послании Шевырева отражает особость его натуры, охарактеризованную им в автобиографии (все они для «Биографического словаря...» писались от третьего лица) словами: «Он всегда благодарит Святое Провидение, что оно призвало его к жизни среди мужественного и славного русского народа, просветило его христианскою верою и наукою на служение церкви, престолу и отечеству»; здесь же он утверждал, что «не рожден для чистой философии».⁹

Далее в стихотворении говорится о Никите Ивановиче Крылове (1807–1879), выпускнике Ярославской семинарии (1827), в 1829 году отозванном из Духовной академии для обучения правоведению во II Отделении с. е. и. в. Канцелярии, выпускнике Петербургского университета (1831), в том же году отправленном для «дальнейшего образования в науках юридических» в Берлинский университет. В Берлине молодые «русские ученые препоручены были личному руководительству знаменитейшего современного юриста» — упоминаемого в послании Ф. К. фон Савиньи (1779–1861), который стал для Крылова высочайшим авторитетом. В 1834 году Крылов защитил в Петербургском университете докторскую диссертацию и 31 декабря 1835 года был определен в Московском университете на кафедру римского законодательства и его истории.¹⁰ Шевырев относит к нему в послании определения «Пандектов чтец» (имеется в виду систематизированный сборник извлечений из трудов римских юристов, являющийся важнейшей частью римского гражданского права) и «наш Ириерий» (подразумевается, скорее всего, Ирнерий (ок. 1050 — после 1125), болонский правовед, о значении которого для разработки римского права писал Савиньи).

«Латинянин однодомец», отличавшийся особым изяществом своего жизненного облика и в совершенстве владевший латинским языком, — это Дмитрий Львович Крюков (1809–1845), выпускник со званием кандидата Казанского университета (1827), закончивший Профессорский институт в Дерпте, где защитил в 1832 году докторскую диссертацию на латыни о Таците («Тацит, твой знакомец»), затем слушавший лекции в Берлинском университете; в 1835 году он начал преподавание

⁷ Шевырев С. П. История Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. М., 1855. С. 558.

⁸ Галахов А. Д. Записки человека / [Вступ. статья, подг. текста и комм. В. М. Боковой]. М., 1999. С. 210. Н. И. Надеждин назвал появившихся в Московском университете профессоров «новыми жрецами в лице молодых ученых, прибывших из Германии, после многолетнего искуса, с свежим усердием и силами» (Телескоп. 1836. Т. 33. № 9. С. 109).

⁹ Биографический словарь... Ч. 2. С. 112–113, 110.

¹⁰ Там же. Ч. 1. С. 435–437.

в Московском университете и 31 декабря того же года был определен на кафедру римской словесности и древностей.¹¹

«Юрист-философ» — это Петр Григорьевич Редкин (1808–1891), выпускник Нежинской гимназии (впоследствии лицея) высших наук кн. А. А. Безбородко (1826), затем студент Московского университета, в 1828 году направленный в Профессорский университет и учившийся там до 1830 года; в 1831–1832 годах он был прикомандирован ко II Отделению с. е. и. в. Канцелярии, в 1832–1834 годах учился в Берлинском университете, где слушал лекции выдающихся ученых и, как указано в автобиографии, «у Гегеля логику и историю философии»,¹² автор первой в России работы о нем; в 1835 году начал читать лекции на кафедре энциклопедии или общего обозрения системы законовещения, 31 декабря 1835 года утвержден на кафедре энциклопедии законовещения и государственных законов.

В обращении Шевырева к Редкину сделан выпад против философии Гегеля. В конце 1820-х годов близкий Шевыреву круг «любомудров» оценивал «стремление к философии немецкой», распространяющееся в России, весьма позитивно, но только как «важный шаг» на пути к созданию русской философии. «Нам необходима философия <...> *Наша философия должна развиваться из нашей жизни, создаваться из текущих вопросов, из господствующих интересов нашего народного и частного быта*», — писал И. В. Киреевский в «Обзрении русской словесности за 1829 год» (1830).¹³ В 1836 году сходное воззрение Шевырев формулирует в виде жесткого неприятия того немецкого учения, которое все более и более овладевает умами русских людей: оно противопоставляется «народному уму», освещенному «ясным светом», как нечто — «что Гегель видел лишь впотьмах»...¹⁴ Отношение автора послания к Гегелю в аргументированной форме, со ссылкой на отсутствие в его философии «живого чувства природы», глубинную связь с поэзией Шиллера и Гете и проч. было выражено в статье Шевырева «Взгляд русского на современное образование Европы» (1841), где он высказался о «совершенной невозможности подчинить эту философию христианской религии».¹⁵

Далее в послании говорится о «толмаче законов уголовных» — это Сергей Иванович Баршев (1808–1882), выпускник Московской семинарии (1826), отозванный из Духовной академии в 1828 году для обучения правоведению во II Отделении с. е. и. в. Канцелярии, выпускник Петербургского университета (1831), три года усовершенствованный свои знания в Берлинском университете, доктор правоведения после защиты в 1834 году диссертации «О мерах наказаний» («Учи скорей прощать виновных, / Чем осуждать невинных нас!»), в 1835 году начал преподавать на кафедре законов уголовных и полицейских в Московском университете, утвержден на той же кафедре 31 декабря 1835 года.¹⁶ В связи с Баршевым любопытно упоминание в послании Шевырева Наказа Екатерины II (издан в 1767 году), написанного как руководство созданной ею комиссии для составления нового Уложения законов. Призыв сделать Наказ «правдою» подразумевает ту программу гуманизации законодательства, которая не имела воплощения в российской действительности.

«Физиолог мудрый и глубокий» — Алексей Матвеевич Филомафитский (1807–1849), из Ярославской семинарии перешедший в Харьковский университет (выпускник медицинского факультета, 1828), в дерптском Профессорском институте был в 1828–1833 годах, затем проходил стажировку в Берлинском и других германских

¹¹ Биографический словарь... Ч. 1. С. 438–443.

¹² Там же. Ч. 2. С. 383. П. Г. Редкин упоминал о слышанных им лекциях Гегеля и в статье «Обозрение Гегелевой логики» (Москвитянин. 1841. № 8. С. 411–412).

¹³ Киреевский И. В. Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1911. Т. 2. С. 27.

¹⁴ В своей докторской диссертации (1837) Шевырев писал: «...должно признаться, что из всех философов немецких Гегель принадлежит к числу самых темнейших по изложению» (Шевырев С. П. Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов. 2-е изд. СПб., 1887. С. 165).

¹⁵ Москвитянин. 1841. № 1. С. 271, 275, 282. На ту же тему была опубликована затем в журнале еще одна статья, автором которой был другой профессор Московского университета: Давыдов И. И. Возможна ли у нас германская философия? // Там же. № 4. С. 385–401.

¹⁶ Биографический словарь... Ч. 1. С. 63–66.

университетах, в 1835 году начал преподавать в Московском университете, 31 декабря того же года утвержден на кафедре физиологии и общей патологии. Упомянутый в послании Шевырева «трактат высокий» Филомафитского — «Физиология, изданная для руководства своих слушателей» (1832). Автор статьи в «Биографическом словаре...» 1855 года писал о ранней смерти Филомафитского: «Потеря Филомафитского в русском учено-медицинском мире важна и в том отношении, что он был один из немногих врачей-писателей». Его «Физиология» задумывалась в четырех частях, из которых были изданы лишь первая, вторая и половина третьей.¹⁷ Вероятно, Шевырев видел некое предвестие этого замедления в работе молодого профессора, известного своим добродушием, поэтому взывал к нему в своем послании: «Так не ленись же и пиши».

Далее в послании речь заходит о Федоре Ивановиче Иноземцеве (1802–1869), выпускнике словесного (1822) и медицинского отделений (1828) Харьковского университета. Он проходил обучение в Профессорском университете, где защитил в 1833 году докторскую диссертацию, и стажировку в ведущих германских университетах; с 1835 года Иноземцев преподавал на кафедре практической хирургии Московского университета, на которой был утвержден 31 декабря 1835 года.¹⁸ Автобиография его в слове 1855 года показывает путь человека из низших социальных слоев, который, пройдя через беспорядочное положение казеннокоштного студента, отправляемого начальством по своему усмотрению на отделение словесное вместо медицинского, поднимается к высотам научного знания. К нему Шевырев обращает свой призыв: «Гони не наших, Иноземцев, / Врачуя нас, ты их зарежь!», что относится, конечно, не к врачебной деятельности Иноземцева, к этому времени уже главы факультетской хирургической клиники, а к давней конкуренции двух профессорских корпораций — русской и немецкой, причем именно на медицинском, самом многочисленном факультете, где, в отличие от других, немцы и в это время составляли треть преподавательского состава.¹⁹

Послание к молодым московским профессорам было призывом Шевырева к развитию самобытной русской науки и просвещения. Его автор был окрылен уваровской триадой «православие, самодержавие, народность»,²⁰ которая была в области государственной идеологии важной новацией и к 1836 году приобрела большую популярность в университетской среде. После встречи в 1832 году министра народного просвещения гр. С. С. Уварова с попечителями учебных округов опиравшаяся на нее идея национальной самобытности русского образования начинает определять выступления профессоров на торжественных университетских актах.²¹ 9 июня 1836 года И. И. Давыдов (кстати, адъюнктом именно этого профессора был Шевырев) говорил в речи «О содействии Московского университета успехам отечественной словесности» об уставе 1835 года как о начале нового периода в истории высшего образования в России. В речи вновь прозвучали слова Николая I о воспитании питомцев университета «истинно русскими», сказанные при посещении университета в сентябре 1826 года, причем то, что было сделано для возможности обновления в 1836 году преподавательского состава университета, подавалось как одно из важнейших достижений в деятельности правительства: «Ученые, из природных русских, обогащенные современными знаниями Европы по всем отраслям ведения человеческого, приносят

¹⁷ Там же. Ч. 2. С. 517.

¹⁸ Там же. Ч. 1. С. 353–359.

¹⁹ См.: Петров Ф. А. Немецкие профессора в Московском университете. М., 1997. С. 125–150 (гл. «Немецкие профессора-медики»).

²⁰ См.: Зорин А. Л. Заветная триада: Меморандум С. С. Уварова 1832 года и возникновение доктрины «православие — самодержавие — народность» // Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 337–374; Шевченко М. М. 1) Понятие «теория официальной народности» и изучение внутренней политики императора Николая I // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2002. № 4. С. 89–104; 2) Официальной народности теория // Общественная мысль России XVIII — начала XX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 374–376; 3) Уваров // Там же. С. 562–565.

²¹ Анализ выступлений профессоров различных российских университетов, начиная с речи П. А. Плетнева 1833 года и до 1840-х годов, см.: Казаков Н. И. Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст. 1989. М., 1989. С. 14–22.

к нам свежие плоды наук; изложением их на отечественном языке распространится новый живительный свет их и теплота. Проникаются все элементы гражданственности, из которых слагается народность. Уж мы не доверяем сказаниям иностранцев о себе самих, но сами исследуем элементы вещественные — природу, нами обитаемую, небо, под которым мы благоденствуем, родство наше по происхождению с разными народами; испытуем и элементы духовные: нравы и обычаи предков наших, мудрость их и законы, понятия религиозные».²²

Шевырев надеялся найти в лице молодых московских профессоров соратников в деле развития национальной научной школы. Действительность оказалась намного сложнее, что отметил уже Н. П. Барсуков, помещая в своем труде выписку о встречах Погодина с «научной молодежью» на блинах у Морошкина: «Вскоре Погодин вместе с Шевыревым сделался противником молодых профессоров».²³ О том же противостоянии в 1840-х годах Погодина и Шевырева, с одной стороны, и «прибывших из-за границы профессоров», «космополитов», с их «германскими симпатиями» и стремлением «стереть с лица земли всякие различия отдельных народностей», а в особенности «народности русской и вообще славянской», вспоминал Ф. И. Буслаев в речи «Погодин как профессор», прочитанной в 1876 году в Обществе любителей российской словесности.²⁴ Написанное Буслаевым носит субъективный характер, поскольку речь шла не о желании «стереть с лица земли» особость славянской народности, а о позиции более сложной, характеризующей целое направление в русской культуре и определенной термином «западничество»: «Немалое число либеральной университетской профессуры, — пишет современный исследователь, — сознательно дистанцировалось и отмежевывалось от „партии“ министра, в большей мере ориентируясь на западные модели политических свобод,²⁵ нежели на призывы к консолидации всех представителей ученого сословия, научной интеллигенции России вокруг уваровской триады „православия — самодержавия — народности“, с добавочным компонентом „просвещения“, активно пропагандируемого в общественном сознании и исподволь внедряемого в официальную доктрину С. П. Шевыревым и М. П. Погодиным при негласном одобрении и поддержке со стороны самого Уварова».²⁶ Послание «В народе, к знанию готовом...» свидетельствует, что в концепции Шевырева это движение имело четкие идеологические контуры уже на грани 1835–1836 годов и было связано со вступлением в действие нового университетского устава.

В первом же своем лекционном курсе Шевырев, призвав слушателей к многостороннему изучению мировой поэзии на основе достижений европейской философской эстетики, так сформулировал задачи современной русской науки: «Наше самобытное воззрение последует тогда, когда мы, устранив посредников, отказавшись от всякого

²² Ученые записки Московского университета. 1836. № 12. С. 541–542. Речи профессоров на университетском собрании 9 июня 1836 года были изданы отдельной брошюрой, на которую откликнулся Н. И. Надеждин, критически оценивший выступление И. И. Давыдова как «явление случайное, вытребованное обстоятельствами» (Телескоп. 1836. Т. 33. № 9. С. 112).

²³ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 4. С. 350.

²⁴ Буслаев Ф. И. Мои досуги: В 2 ч. М., 1886. Ч. 2. С. 244.

²⁵ Молодые профессора, критично воспринимавшие уваровскую реформу университетского образования, руководствовались не только «западными моделями политических свобод». Показательно построение автобиографии П. Г. Редкина, опубликованной в «Биографическом словаре...» 1855 года, что важно, еще при Николае I (сам Редкин в это время уже не служил в Московском университете, поскольку после обвинения в вольнодумстве был вынужден уйти из него в 1848 году). В автобиографии было дано подробное перечисление курсов (по-видимому, всех), которые он слушал в дерптском Профессорском институте и университетах Германии, Швейцарии, Италии (Биографический словарь... Ч. 2. С. 382–383). Эта информация, подаваемая в нарочито отстраненном духе, показывала, что проведенная уставом 1835 года дифференциация научного знания в связи с увеличением университетских кафедр была весьма избирательна и обрекала преподавание правоведения и философии в России на отставание от общеевропейского уровня. Понимание этого было доступно всем молодым профессорам, пришедшим в российские университеты в момент и после введения в действие университетского устава 1835 года.

²⁶ Ратников К. В. Холпы или собеседники?: Профессорские вояжи в Поречье (Идеологическая стратегия С. С. Уварова и его единомышленников). Челябинск, 2006. С. 210–211.

предварительного мнения, или лучше, предубеждения, внушенного нам нашими западными соседями, обратимся прямо сами к произведениям слова и поверим на деле все то, что нам о них сказано и нами сначала принято на веру».²⁷ В научной области, где работал Шевырев, его вера в то, что «на ниве русского ума» взойдет новая наука, оправдалась богатством русских филологических школ, которые оставил в наследие России XIX век.

²⁷ Шевырев С. П. История поэзии. Чтения: [В 2 т.]. М., 1835. Т. 1. С. 10.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-122-144

© К. А. Кумпан

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ — УЧЕНИК ТРЕТЬЕЙ ГИМНАЗИИ (ЗАМЕТКИ КОММЕНТАТОРА) ЧАСТЬ 1*

Тема «Мережковский-гимназист» до сих пор не привлекала специального внимания исследователей. Обращаясь к ранним годам жизни писателя, биографы¹ использовали сведения из одних и тех же автобиографических источников.² Это — мемуарная книга жены писателя, З. Н. Гиппиус, где рассказ о детстве Мережковского базируется на им же сообщенных кратких сведениях.³ «Автобиографическая заметка» (1913),⁴ со столь же краткими сведениями о детстве и юности, по сути дела являющаяся единственной автобиографией писателя.⁵ И наконец, автобиографическая

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00602.

¹ См.: Зобнин Ю. В. Дмитрий Мережковский. Жизнь и деяния. М., 2008. С. 10–43; Холиков А. Дмитрий Мережковский. Из жизни до эмиграции: 1865–1919. СПб., 2010. С. 8–16. В этих работах учитываются и некоторые архивные сведения из нашей статьи и примечаний в книге: Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, сост., прим. и подг. текста К. А. Кумпан. СПб., 2000. Далее стихотворения цитируются по этому изданию, с указанием номера страницы.

² В книге В. Н. Быстрова «Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус. Петербургская биография» (СПб., 2009. С. 3–23) эти источники дополнены несколькими краткими цитатами (без ссылок, что диктуется популярным жанром книги): из прозаического наброска Мережковского-гимназиста «Детство» (РНБ. Ф. 150 (Арх. К. К. Владимирова). № 378) и из опубликованных, но не попавших в поле зрения исследователей воспоминаний бывших учеников третьей гимназии в издании: За сто лет (Петербургская б. третья гимназия): Воспоминания, статьи и материалы / Сост. Н. А. Соколов. Пг., 1923. К последнему источнику мы будем прибегать неоднократно.

³ Гиппиус З. Н. Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. Эти мемуары в редакции секретаря Мережковского В. А. Злобина многократно переиздавались в России в 1990-х годах.

⁴ «Автобиографическая заметка» многократно перепечатывалась при жизни писателя в до-революционных изданиях с незначительными стилистическими расхождениями, см.: Русское слово. 1913. 19 марта. № 65; Русская литература XX века: 1890–1910 / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914. Т. 1. С. 288–294; Мережковский Д. С. Полн. собр. соч.: В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 107–116, а также в эмигрантской прессе: Иллюстрированная Россия (Париж). 1935. № 50; Сегодня (Рига). 1935. 15 дек.; Новое русское слово (Нью-Йорк). 1941. 11 дек. № 10523.

⁵ Если не считать краткую раннюю автобиографическую справку в письме Ф. Ф. Фидлеру от 4 апреля 1888 года (РГАЛИ. Ф. 518. Оп. 1. № 156) и бессодержательную анкету от 13 апреля 1915 года, где на ряд вопросов содержится отсылка к той же «Автобиографической заметке» (ИРЛИ. Р. I. Оп. 17. № 41). Несколько изъятых из печатного варианта сведений содержится в рукописном варианте «Автобиографической заметки» (ИРЛИ. № 24384); отчасти они учтены в статье: Холиков А. «Автобиографическая заметка» и стратегия самосотворения во втором прижизненном «Полном собрании сочинений» Д. С. Мережковского // Toronto Slavic quarterly.